

3. Калинина Л.И. Сравнение устных и письменных форм хантыйских топонимов Васюгана // Уч. зап. Томс. гос. пед. инс.-та. Т. XIX, вып. 2 – Томск, 1961. – С. 190–210.
4. Калинина Л.И. Хантыйские топонимы Западной Сибири. Дис. ... канд. филолог. наук. – Томск, 1961.
5. Калинина Л.И. Хантыйские топонимы Васюгана // Уч. зап. Томс. гос. пед. инс.-та. Т. XX, вып. 2 – Томск, 1962. – С. 127–143.
6. Кузьмина Е.Е. Роль в истории человечества культуры малочисленных народов Севера и задачи ее сохранения и презентации // Аборигены Сибири: проблемы исчезающих языков и культур: Тез. междунар. науч. конф. Новосибирск, Изд. института археологии и этнографии СО РАН, 1995. – С. 147–149.
7. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты – Новосибирск, Наука, 1992. – 136 с.
8. Леман К. Документация языков, находящихся под угрозой вымирания (Первоочередная задача лингвистики) // ВЯ 1996. № 2, – С. 180–190.
9. Лукина Н.В. Изменения в терминологии родства васюганских ханты. – СФУ № 9, 1975. – С. 112–114.
10. Майтинская К.И. Обско-угорские языки. Введение. // Языки народов СССР. Т. 3 – М., 1966. – С. 316–318.
11. Могутаев М.К. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект). – Томск, 1996 – 352 с.
12. Молданова Т. Поиск путей сохранения традиционной культуры обских угров // Этносы Сибири: язык и культура. – Томск, 1997. – С. 55–57.
13. Немысова Е.А. О путях удовлетворения этнокультурных запросов хантыйского населения в школьном образовании // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 1. – Томск, 1994 – С. 21–23.
14. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермский и угорские языки. – М., 1976.
15. Потапов В.В. К современному состоянию проблемы вымирающих языков в некоторых регионах мира // ВЯ № 5, 1997.
16. Терешкин Н.И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ч.1. – М.-Л., 1961.
17. Терешкин Н.И. Словарь восточно-хантыйских диалектов. – Л., 1981. – 544 с.
18. Терешкин Н.И. Хантыйский язык // Языки народов СССР. Т. 3 – М., 1966. – С. 319–342.
19. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. – 656 с.
20. Черемисина М.И. Языки коренных народов Сибири. – Новосибирск, 1992.
21. Яшин И.М. Народы Севера Томской области // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 1. – Томск, 1994. – С. 130–136.
22. Honti L. Chrestomathia Ostiastica. – Budapest, 1984.
23. Karjalainen K.F. Wie Ego im Ostjakischen die Verwandten benennt // FUF, 1913. – Bd. 13, Hf. 1–2. – S. 207–295.
24. Karjalainen K.F. Ostjakisches Wörterbuch (bearbeitet und herausgegeben von Y.H. Toivonen). – Helsinki, 1948.
25. Karjalainen K.F. Grammatikalische Aufzeichnungen aus Ostjakischen Mundarten (bearbeitet und herausgegeben von E. Vertes). – Helsinki, 1961. – S. 149–207.
26. Liimola M. Zur Kasuslehre der Vach – Vasjugan – Mundart der ostjakischen Sprache // SUS. 71. – Helsinki, 1971. – S. 1–24.
27. Schiefer L. Zur Pluralbildung in den ostjakischen Dialekten Vach und Vasjugan // Etudes finno-ougriennes 10. – 1973. – S. 133–169.
28. Schiefer L. Albautähnliche Erscheinungen im Obugrischen // Der Imperativ in den ostjakischen Dialekten Vach und Vasjugan // München – 1980.
29. Steinitz W. Etymologische Beiträge (III) // Acta Linguistica Hungaricae. – T. XIII. Fasc. 3–4. – 1963. – S. 213–223.
30. Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. B.IV. – Budapest, 1980.

Э. Вайда

ИСТОРИЯ ЭКОЛОГИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВ МИРА

Одним из самых увлекательных аспектов изучения современного человеческого общества, безусловно является то пестрое разнообразие языков, которое можно наблюдать по всему миру. Языковеды насчитывают, по меньшей мере, до 5000 различных языков. Сколь не велика, кажется, эта цифра, но пятьсот лет назад количество языков было гораздо большим, по крайней мере 7–8 тысяч. Это значит, что за сравнительно короткое время с лица земли исчезло больше одной четвертой от общего количества языков мира [Кибрик]. С каждым годом вымирают еще языки [Краусс]. Этот процесс особенно ярко проявляется среди аборигенных языков Северной и Южной Америки, Австралии и Полинезии, в меньшей мере в пустынях Южной Африки, в тундре и тайге Сибири. До плавания Колумба один из каждых десяти человек говорил на америндейском языке, а сегодня вряд ли один из миллиона. Целые семьи языков исчезли, еще многие языки скоро исчезнут [Краусс]. Лингвисты даже не успевают описать исчезающие языки.

Наряду с исчезновением языков за последние триста-четыреста лет намечается неслыханное распространение некоторых языков. В основном это индоевропейские языки: английский, который занял обширные территории в Северной Америке, Австралии, Новой Зеландии и т. д., испанский, занявший большую часть Центральной и Южной Америки, русский, который занял всю Сибирь.

Напрашивается вопрос: почему одни языки вымирают, а другие процветают и распространяются? Некоторые склонны прибегнуть к дарвиновскому решению вопроса: если язык вымер, значит, он по своей структуре оказался неконкурентоспособным. Выходит, будто некоторые языки более развиты, чем другие. Но всякий лингвист, бравшийся за изучение аборигенного языка, сразу возражает, что любой язык даже самого первобытного общества является совершенно полноценным и сложным по своей грамматической структуре. Даже если в данном языке и не хватает слова для обозначения того или иного понятия, то носители этого языка сразу могут изобрести такое слово, или путем заимствования из другого языка, или созданием новой лексической единицы при помощи

внутренних ресурсов языка. Нет по-настоящему примитивных языков [Вайда]. Например, в современном языке Навахо имеется термин для части автомобиля, для каждой детали сверхсовременного компьютера. И не одно из этих слов не взято из английского языка: шина – *bikeeh* (нога машины), фара – глаз машины и т. д. Причина исчезновения языков явно лежит не в самом языке, ее следует искать вне языка.

Современная социолингвистика занимается такими проблемами, как сфера употребления языка в обществе, отношение правительства, самих носителей к тому или иному языку. Диахронная лингвистика изучает изменения в языке, вызванные таковыми социальными факторами. Но никто всерьез не задавался фундаментальным вопросом: почему одному языку суждено попасть в такое социальное положение, которое способствует его исчезновению, а другому суждено, наоборот, стать престижным и процветать.

В данной статье мы попытаемся найти ответ на этот "большой" вопрос.

Распространение европейских языков за счет коренных на других континентах, безусловно, связано с эпохой колониализма, с так называемым веком великих европейских открытий и завоеваний. Начало этого процесса связано с такими легендарными именами: Колумб, Ермак, Кук и т. п. Но каким образом европейский колониализм сумел произвести такой фундаментальный лингвистический и демографический переворот во многих уголках земного шара? На западе бытует два противоположных мнения по этому поводу. Первое мнение более старое, возможно, даже устаревшее: европейцы обладали всем миром благодаря тому, что сами от природы, "от бога" выше, чем другие народы мира. Но есть и более новая "анти-империалистическая" точка зрения: все народы равны, нет среди них лучших, чем другие. А европейцы сумели поработить другие народы только из-за их природного расизма, насилия, беспощадного экономического и политического гнета. Выходит, будто европейцам все это удалось потому, что они не лучше, а хуже других. Потому за последние пять столетий целые народы и племена были истреблены, а вместе с ними и их языки.

Но даже беглый взгляд на лингвистическую и демографическую карту современного мира убедит читателя в том, что ни первое, ни второе мнение, ни какая-либо комбинация этих точек зрения не может объяснить состояние современного мира, вышедшего из эпохи европейского колониализма. Европейцы распространили свое политическое и экономическое господство по всем континентам. Однако лишь на некоторых произошел коренной поворот: Южная Америка, Австралия, Новая Зеландия, Сибирь и в меньшей степени Южная Африка действительно стали "новыми европами" в лингвистическом смысле. А современная Африка осталась по-прежнему африканской, Азия осталась азиатской, как по демографии так и по языкам.

Более того, нельзя не заметить, что в современной Африке (за исключением крайнего юга) и в Азии (за исключением Сибири и дальнего востока России) ни один

язык не вымер, на прежних языках говорят гораздо большее количество людей, чем до колониальной эры. Этому росту населения, в конечном итоге, даже способствовал европейские колонизаторы тем, что ввели новые культуры из Америки, например: кукурузу, батат, картофель, маниоку и т. д. Какие бы преимущества европейцы ни имели, как бы они не зверствовали, чем можно объяснить такие противоположные результаты колониализма в разных частях земного шара. Ответа на этот вопрос мы явно не найдем на страницах политико-военно-культурной истории. Причина вымирания или процветания языков и народов лежит в другом.

К ответу на наш вопрос можно подойти только если обратить внимание на экологический фактор в общечеловеческой истории, на историю возникновения земледелия, скотоводства в разных частях мира, а также на возникновение новых человеческих заболеваний и проследить эффект неравного во временном плане развития иммунитета (приспособления к микробам) у разных народов.

Чтобы ответить на наш "большой" вопрос о перво-причинах исчезновения или распространения языков, нужно выйти целиком из рамок классической социо- и диахронной лингвистики и обратить внимание на новые сведения специалистов в области истории экологии. Эти сведения накапливаются уже с 60-х г., но их еще не применили в лингвистической науке.

Приведем новые данные археологов об экологическом факторе в человеческой истории. Раньше в США преподавалось, что до прихода европейцев аборигенное индейское население было крайне скудным. Земля была фактически пуста, а европейскому пришельцу оставалось только занять и освоить под цивилизацию эту "девственную землю". Однако, современные археологи и палеодемографисты [Добинс] установили, что во многих частях американского континента было густое земледельческое население, не только в Мексике и Перу, но и в восточной половине территории современных Соединенных Штатов. В бассейне реки Миссиссиппи за несколько сотен лет до появления европейцев неизвестные нам племена создавали богатую культуру на основе кукурузного земледелия, сооружали грандиозные земляные пирамиды. Накануне европейского вторжения в одной только Мексике было до 20 миллионов индейцев, тогда как в Испании в то время было менее 7 миллионов жителей. Империя инков простиралась почти по всей длине Южной Америки, превышая по своим размерам все другие государства мира за исключением Китайской и Османской империй того времени. Первые европейские мореплаватели, достигшие атлантического побережья Северной Америки (например, Кабот в 1498 г., Веразано в 1524 г.), единогласно отмечали в своих дневниках о несметном количестве аборигенов, населяющих прибрежную зону. А меньше чем 100 лет спустя, когда английские переселенцы появились на тех же берегах (пилигримы, джеймстаунцы, пуритане и др.), от индейцев мало, что осталось. Куда делось все это

множество, чтобы позволить европейцам занять свою "девственную землю"?

Чтобы привлечь внимание к экологическому фактору в этих событиях, необходимо обратиться к сведениям, полученным у историков исследовавших вопрос болезней, появившихся со времен земледельческой революции [МакНил]. История возникновения и распространения эпидемических болезней тесно связана с установлением земледельческого и особенно скотоводческого общества. Десять тысяч лет назад во всех частях мира люди вели один и тот же образ жизни – так называемый первобытный. Люди жили охотой, рыболовством, собирательством – добывали, а не выращивали свою пищу. Первобытные люди жили небольшими группами, многие группы передвигались с места на место. Тогда еще не существовало разницы между большими и малыми народами.

Но оказалось, что в некоторых местах имелся благоприятный набор растений и животных, которые сами видоизменялись по ходу их использования человеком [Даймонд]. Это пшеница, которая стала более колосистой и чьи зерна дольше оставались на стебле при постоянном использовании. Или козы и овцы, которые становились более кроткими и могли приспособиться к условиям одомашнивания. Первобытные люди в тех местах, где наличествовали подобные растения и животные, постепенно превратились в первых земледельцев, скотоводов. Этот процесс произошел в разных частях мира: в Месопотамии (пшеница, овцы, козы), в Северном Китае (просо, пшеница, утка), в Юго-Восточной Азии (рис, свиньи, ямс), в Мексике (кукуруза, индюк, фасоль), в Перу (картофель). В других же местах растения и животные, пригодные для употребления в пищу, по своим генетическим особенностям не видоизменялись в сторону одомашнивания. Это олени в Северной Америке или зебры в Африке, которых до сих пор никому не удалось одомашнить. Это разного рода дикие травы, орех и т. д. В современной Калифорнии и в восточной части Австралии европейцы ввели отменную земледельческую систему. Однако все культуры привезены из других мест, нет ни одной культуры местного происхождения. Значит и аборигены в этих краях оставались охотниками-собирателями. Оставался прежний, первобытный образ жизни.

Благодаря совершенно случайному стечению обстоятельств земледелие и вслед за ним скотоводство возникли в одном месте и не возникли в другом. Там, где люди стали выращивать себе пищу, население увеличилось в десять раз. Земледельческий строй стал распространяться в тех местах, где земля была пригодна для новых культур. На таких территориях, в тех случаях когда они соседствовали с очагами земледелия, первобытные люди стали вытесняться, ассимилироваться. Этот процесс был особенно интенсивен в умеренных зонах Старого Света, где очаги земледелия находились в Месопотамии и Китае, и распространялся он по горизонтальной оси везде, где не было географических барьеров. Впервые появились большие народы (земледельцы) и малые (первобытные охотники). Этот первый экологический переворот способствовал распространению индоевропейских и афро-

азиатских языков [Ренфру] и китайского языка [Беллвуд] по обширным территориям Старого Света. Бесследно исчезло большинство аборигенных языков Европы, Северной Индии, средней части Китая. Из аборигенных остались лишь островки, которые были защищены горными хребтами: баскский, бурушаский, кавказские языки, носители которых сумели своим ходом заимствовать земледельческую культуру пришельцев.

Но счастливые обладатели плодов технической революции еще и заплатили за свои демографические и лингвистические успехи. Начав жить в тесном контакте с коровами, овцами, курами, люди создали совершенно новую экологическую среду. Бактерии и вирусы, паразитирующие на домашних животных стали "осваивать" и людей. Мутации, немедленно вымершие бы в условиях дикой природы, превращались в новые болезни человека. От коров "приобретены" такие страшные эпидемические заболевания, как туберкулез, проказа, оспа. От прочих домашних животных – корь, грипп, ветрянка, свинка и др. Вспышки этих новых заразных заболеваний среди оседлого населения, не защищенного ранее приобретенным иммунитетом, каждый раз приводили к большим потерям. Вероятно, такие инфекции, как оспа и корь во многом способствовали упадку таких некогда великих оседлых цивилизаций, как Шумерская, Мелухха (в Индии), что, в свою очередь, привело к вымиранию языков носителей этих культур.

Поскольку континенты Старого Света (Африка, Европа, Азия) располагаются по горизонтальной оси – а это именно тот фактор, который способствовал быстрому распространению земледельцев и их языков по свету, – то эпидемии, возникавшие в Европе, могли беспрепятственно добираться до Китая, а из Индии – в Европу и т. д. Историк Уильям МакНил приводит ужасающий список эпидемий, постигших жителей умеренных зон Старого Света на протяжении двух тысячелетий – от 500 г. н. э. до 1500 г. н. э. История Римской Империи, Средневековой Европы, Китая, Индии, Японии – это постоянная борьба с эпидемиями. Но со временем у жителей умеренной зоны Старого Света и прилегающих к ней регионов, выработался некоторый иммунитет к новым заболеваниям.

Прежде чем вернуться к теме языков, стоит остановиться на истории одной из самых страшных эпидемий Старого Света – это "Черная смерть" 14-го в. [Зиглер]. В 1346 г. вспыхнула чума в Крыму и вслед за этим в южной Италии, куда она была привезена из Крыма на корабле. За три года эпидемия охватила всю Европу и унесла треть всего населения – чего не смогла сделать ни одна война. Кроме того, чума укоренилась в Европе и через каждые 10–20 лет стали появляться повторные эпидемии чумы. Население Европы было подавлено на три сотни лет действием лишь одной этой новой болезни. Когда Колумб отправился в Америку в 1492 г., население Испании и других стран Европы значительно уступало тому, что было 150 лет назад, до появления чумы.

Подводя итог влияния чумы на распространение языков, нужно отметить, что чума фактически не наложила сколь-нибудь заметный отпечаток на языковой баланс в

Европе. Очень важно понять причину этого явления: ни у кого в Европе того времени не было заранее приобретенного иммунитета против чумы. Болезнь подействовала на все народы в более или менее одинаковой степени. Все европейские народы сократились в числе и все постепенно восстановились. Чума не дала никому преимущества перед конкурентами. Но если бы у монголов или французов имелся в то время иммунитет, то эти народы смогли бы занять территорию своих соседей, увеличив популяцию за счет других. Следовательно, их языки соответственно распространились бы за счет народов, пострадавших от чумы.

Попытавшись сравнить экологическую обстановку в земледельческих районах Старого Света с обстановкой в других частях мира – в Новом Свете, Австралии, на многих островах Тихого океана, на крайнем юге Африки и крайнем севере Азии, мы обнаружили бы, что в этих разбросанных регионах народы не болели ни оспой, ни гриппом, ни корью. Новые вирусы не доходили до них. В этих регионах случайно не оказалось животных пригодных к одомашниванию. В Новом Свете все крупные копытные за исключением бизона (по природе не пригоден к одомашниванию), вымерли к концу Ледниковой Эры. Вполне возможно, что в этом поголовном вымирании участвовали прото-индейцы, выбивая недавно появившихся, еще не привыкших к борьбе с охотниками животных. Стечение климатических изменений и этой новой угрозы, вероятно, привело к исчезновению таких видов, как американский верблюд, лошадь и др. Индейцы сумели одомашнить лишь индейку, одну разновидность утки и некоторых мелких млекопитающих в Южной Америке. Следовательно, в регионах мира, отдаленных от очагов скотоводства, не было прежнего опыта сожительства с целой плеядой заразных болезней. Вскоре после 1492 г. на несчастных жителей Нового Света обрушилось 20 "черных смертей". Результат – колоссальная смертность на протяжении нескольких столетий и в конечном итоге смена языков на европейские. Остановимся на событиях происходивших в Новом Свете, хотя такие же аналогичные трагедии имели место в Австралии, на Гавайских островах, в Южной Африке, куда, до прихода европейцев, не доходили болезни Старого Света [Кросби, 1986].

Вслед за Колумбом в Центральной Америке стали появляться европейские эпидемии. Первая эпидемия оспы постигла империю ацтеков во время похода Кортеса в 1519 г. [Кросби, 1972]. От одной этой катастрофы умерло до половины населения. За оспой последовали частые эпидемии гриппа, кори, сыпного тифа. За 100 лет после прихода конкистадоров индейское население Мексики сократилось с 20 миллионов до 2 миллионов. Уцелевшие индейцы главным образом переняли язык и религию своих победителей, которые не страдали от новых для индейцев заболеваний. Такая же трагедия постигла империю инков, после 1532 г. европейские болезни волной докатились до самых отдаленных уголков Нового Света. В верхнем течении реки Колумбия, в современном штате Вашингтон (США), на протяжении 16-го века местное индейское население сократилось на 2/3 [Кампбелл], хотя

сами европейцы посетили это место впервые только в начале 19-го в.

Конечно, не все америндейские языки вымерли. Уцелели главным образом те языки, на которых говорили в отдаленных местах, где аборигены успели приобрести некоторый иммунитет еще до прямых столкновений с европейцами. А в прибрежных зонах, где европейцы появились одновременно с их болезнями, коренные языки, как правило, вымерли. Например, по всему атлантическому побережью не осталось ни одного аборигенного языка. Иногда эпидемии обрушивались на индейцев перед встречей с европейцами. Так было в Новой Англии, куда в 1616 г. неизвестная эпидемия была занесена европейским рыболовным судном. К появлению британских пилигримов в 1619 г. вымерло до 90% прежнего коренного населения. Пилигримы заняли опустевшее индейское село, стали пахать заброшенные индейские поля. Европейцы в Америке покоряли не девственную землю, а землю овдовевшую, которая недавно потеряла большую часть своего коренного населения по непонятным для европейца того времени причинам.

Итак, распространение европейских языков произошло в два приема: первый этап – возникновение земледелия и затем скотоводства, второй – вслед за этим проникновение эпидемических болезней Старого Света в отдаленные части земного шара. В обоих случаях европейцы получили экологическое преимущество перед своими конкурентами.

Но экологический фактор не всегда стоял на стороне европейцев. Когда европейские мореплаватели и колонизаторы стали появляться в тропических районах Африки и Азии, то случилось противоположное; у африканцев и азиатов уже имелся опыт "общения" с европейскими заболеваниями, в то время как европейцы оказались совершенно беззащитными перед болезнями тропиков.

В тропиках Старого Света имелось большое количество эндемических заболеваний. Это были болезни, которые связаны с насекомыми-распространителями: малярия, желтая лихорадка и др. Европейцы не смогли занять африканский континент пока у них не выработался способ борьбы с этими болезнями к концу прошлого столетия. У африканцев имелся своего рода иммунитет, в то время как у европейцев он отсутствовал. До этого европейцы могли только посещать берега Африки, оттуда они и стали вывозить уживчивых африканцев в американские колонии, где индейцев не смогли превратить в рабов – они слишком быстро умирали. Позднее колонизаторы и миссионеры, вместо того, чтобы заниматься геноцидом, часто жаловались на исчезновение аборигенов: "...они просто тают..." писал один миссионер. "Даже самого вида европейца было достаточно, чтобы индеец умер...". Если бы миссионер сказал вместо "вид" – "вдох", это было бы почти правдой.

Итак, в Америку привозились африканцы, но не только. Вскоре были привезены малярия, желтая лихорадка, микробы которые процветали в желудках американских тропических комаров. И скоро уже вся влажная тропиче-

ская зона Карибского моря стала смертельно опасной не только для индейцев, но и для самих европейцев. Лишь африканцы смогли ужиться там в большом количестве. Так, сами того не подозревая, европейцы создали Новую Африку на многих островах Карибского моря: Гаити, Ямайка. Следы этого события явствуют по сей день.

Остается упомянуть еще о том, что во времена распространения европейского политического господства, насаждения европейских языков среди тропического населения, где сами европейцы не смогли жить и процветать, повсеместно имела место креолизация европейских языков в среде африканского и азиатского большинства. Не хватало носителей стандартного языка, младшее поколение перенимало новый, переделанный язык у неносителей, которые вносили множество местных особенностей.

Так экологический фактор связан и с исчезновением большого числа языков за последние 500 лет, и с созданием 200 новых, креольских языков.

Наконец, экологический фактор зачастую сильно способствует сохранению старых языковых границ. Примером этого могут служить зоны Старого Света, где древние земледельческие территории граничат с тропиками. Это Южная Индия, южная часть Китая и граница между арабским миром и черной Африкой. Индоевропейцы быстро и легко заняли почти всю Европу и Северную Индию, но южная тропическая часть Индии осталась ареалом дравидийского языка. Также в Китае аборигены уцелели на тропическом юге. В Африке мощный арабский, исламский толчок был остановлен малярийным комаром и мухой цеце, и ни одному генералу до сих пор не удалось передвинуть эту границу.

В заключении необходимо отметить, человеческая история вообще – и вместе с ней история, распространения, выживания, и исчезновения языков – это не история умышленных деяний неких Колумбов, Кортесов, Куков и Коронадо – намного более захватывающая хроника простой человеческой экологии.

Литература

1. Bellwood P. The Austronesian dispersal and the origin of languages // Scientific American. 1991. № 1.
2. Cambell S.K. Post Columbian culture history in the northern Columbia Plateau, A.D. 1500–1900. New York, 1990.
3. Crosby A. Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900–1900. 1986.
4. Crosby A. The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492. Westpoint Conn., 1972.
5. Dobyys H. Their numbers became thinned. Kronxville, 1982.
6. Kibrik A.E. The problem of endangered Languages of the USSR // Endangered Languages. New York, 1991.
7. Krauss M. Alaska Native Languages: Past, Present and Future. Fairbanks, 1980.
8. McNeill W. Plagues and Peoples. Garden City, N. Y., 1976.
9. Vajda E. A critique of the notion that language imprisons the mind // Anthropological World: An Introduction to Cultural Anthropology. Dubuque, 1989.
10. Ziegler P. The Black Death. Glouchestershire, 1969.

Ярмо Алатало

НАБРОСОК ПО ОРФОГРАФИИ КЕТСКОГО ДИАЛЕКТА СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

Среди селькупских диалектов только для тундровых селькупов в первые годы советской власти была разработана письменность, составленная в 30-е г. Г.Н. Прокофьевым (Пр.), сначала на латинице, затем на кириллице (1): Новая орфография, созданная в 80-е г. С.И. Ириковым (2), основывалась на другом говоре и немногим отличалась от прежней. Для таяжских селькупов только в 90-е г. была создана томскими исследователями (Быконя, Ким, Купер) письменность на основе иванкинского говора (3). Она вошла в употребление среди сохранившихся по Оби малочисленных представителей, говорящих на иванкинском и так называемых "хакающих" диалектах. Иванкинские языковые материалы также были распространены среди кетских селькупов. Однако кетский диалект отстоит от иванкинского диалекта довольно далеко, вот почему письменный язык не воспринимается говорящими на кетском диалекте, а предпочтению отдается своему естественному способу письма.

В данной статье излагаются основные этапы развития орфографии, которая вошла в употребление школьного словаря кетского диалекта (4).

Цель орфографии – четкое разграничение всех фонологических оппозиций, создание плавной и регулярной структуры, приближенной к русской орфографии, и одновременно упрощение написания средств письма без специальных знаков.

Вокализм и палатализация.

В кетском диалекте в первом слоге имеется 10 долгих и 8 кратких фонем. Русских 5 основных и 5 йотированных гласных с обозначением долготы было бы достаточно, чтобы представить их все. Однако тогда палатализацию надо было бы раскрыть другими средствами, нежели йотированными гласными, иначе либо число гласных придется увеличить до 20-ти, либо частые оппозиции останутся неразличимыми, как это имеет место в орфографии Ирикова (Ир.) и Быконя-Ким-Купера (БКК). В разговорнике Купера-Пустая (КП) (5) и в данной статье